

От Редакції

Снова многіе мѣсяцы — цѣлая зима — отдѣляют послѣдній номер «Новаго Града» от его предшественника. Эти мѣсяцы заполнены шумом событій, обильно политы кровью. Мало утѣшительнаго принесли они для строителей новаго града. Будем благодарны хотя бы за то, что катастрофа отсрочена, — та, имя которой — гибель Европы. Людям доброй воли даны еще мѣсяцы — или годы — чтобы своим трудами, своей борьбой, кровью сердца и напряженіем мысли заковать фатум.

Міровая война предотвращена, по какою цѣной? Цѣною побѣды грубой силы и дискредитированія коллективной политики мира. Италия восторжествовала над своей жертвой, вопреки всѣм ожиданіям. Современная техника оказалась сильнѣе героизма маленькаго народа, выступившаго чуть не с луками и стрѣлами против танков и бомбовозов. Цивилизація удушливых газов и военного деспотизма еще раз доказала свое превосходство. Абиссинцам придется смириться. Придется ждать. Пройти долгую вымучку цивилизаціи в итальянской арміи и итальянских университетах для того, чтобы в один прекрасный день обратить самое современное оружіе против побѣдителей и сбросить их в море. Нельзя сомнѣваться в том, что возстаніе абиссинцев будет лишь эпизодом в возстаніи Африки против бѣлой расы. Исход борьбы предрѣшен. Абиссинцы все же счастливѣе Европы: им принадлежит будущее. Безуміе Муссолини в том, что он живет миражем прошлаго. Он не понимает, почему ему не позволяют в XX вѣкѣ того, что дѣлала Англія в XVIII. Он хочет строить колониальную имперію в эпоху, когда колониальный империализм себя изжил, когда цвѣтное человечество вступило в отчаянную борьбу за освобожденіе (сегодня), за равенство (завтра) и за господство (послѣзавтра). Глубокое волненіе арабскаго міра немедленно отвѣчает на дипломатическое пораженіе Англіи, которое вскрыло ея военную слабость. Арабы на Средиземном морѣ, японцы в Тихом океанѣ приготавливаются к прыжку. Что

могут сдѣлать защитники Европы в этот роковой ея час? Расширить духовно ея границы, ввести в ея круг все человѣчество, сдѣлать его подлинным участником международного общенія. Друг Европы лишь тот — миссіонер, политик, философ — кто работает над преодоленіем цвѣтных границ. Враг Европы всякій, кто — в Африкѣ, в Индіи, в Америкѣ — подчеркивает значеніе расы и готовит день, когда бѣлый цвѣтъ кожи будет знаком позора и рабства.

Пораженіе Европы в абиссинской войнѣ было слѣдствіем глубоких расхожденій внутри Версальской коалиціи. Франція и Англія раздѣлены различіем интересов и принципов. Сердце Франціи лежит в Европѣ, сердце Англіи — на океанах, на путях к Индіи. Отсюда отчасти и различіе принципов: консерватизм Франціи, диктуемый чувством страха, ревизионизм Англіи, болѣе разумный, но и болѣе отрѣщенный. Англія не хочет взять на себя отвѣтственности за дѣло Европы. В результатѣ торжество хищников. Если Италія на время объявила себя удовлетворенной, то Германія предъявляет длинный список притязаній. Среди них не послѣднее мѣсто занимают притязанія на Россію. Если не Россіи, то Украинѣ готовится участь Абиссиніи. С точки зрѣнія западнаго европейца как будто самое легкое средство, если не уничтожить, то отдалить германскую опасность, это направить ее на Восток. Европа могла бы обезпечить себѣ лишній год-два мира, сговорившись за счет Россіи. Реакціонеры всѣх стран толкают ее на этот путь, прикрываясь лицемѣрным отвращеніем к русскому коммунизму. Положеніе русскаго европейца в этом конфликтѣ трагично. И в том и в другом исходѣ Россіи не избѣжать войны. Міровое расширеніе войны несет для Россіи нѣкоторый шанс побѣды, но в условіях, которыя вообще означают гибель цивилизаціи на старом материкѣ. Одинокое пораженіе и расчлененіе Россіи лишь отсрочивает на время судьбу Запада. Нельзя сомнѣваться, что, упившись русской кровью, Германія не замедлит броситься на Францію .

Разсуждая отвлеченно и справедливо, из этого тупика, как из всякаго моральнаго тупика, должен быть выход. Этот выход заключался бы в удовлетвореніи справедливых экономических и территориальных притязаній Германіи — цѣной ея и общаго

разоруженія. В современной обстановкѣ этот исход — близкій во дни Бріана-Штреземана — кажется утопическим. Хотя правительство Блюма во Франціи как будто способно окрылить надежды друзей примиренія.

Но социалистическое правительство ставит Францію в центр и социальной политики міра. Из арьергардных стран она сразу выступает на авансцену. Американскій опыт, затянувшійся и ослабѣвающий в своем напряженіи, стоит перед поворотом. Исход президентских выборов покажет, пользуется ли Рузвельт поддержкой масс. Напор капиталистическаго сопротивления так велик, что демократическій президент нуждается в прикосновении к землѣ, чтобы почувствовать новыя силы. В Бельгіи выборы подтвердили волю народа к новой жизни, но уже с грозным предупрежденіем. Рост крайних флангов, рексистов и коммунистов, свидѣтельствует о народном нетерпѣнии. За цифрами избирательных голосов в наши дни всегда стоит угроза гражданской войны. Для демократіи в процессѣ социального строительства эта угроза встает с двух сторон: революціонныя мѣры мобилизуют старый мір, медлительность волнует рабочія массы. Путь демократіи лежит между Сциллой фашизма и Харибдой коммунизма — в конечном счетѣ двух ликов той же самой революціонной деспотіи.

Между двумя революціями стоит и Блюм. Его положеніе особенно трудно, — лично, быть может, даже трагично. Впервые в исторіи Франціи социалисты, не предавая своей партіи, становятся у власти. Но он пришел к ней без мандата на социальную революцію, как вождь не социализма, а «народнаго фронта». Побѣдила, в сущности, идеологія радикалов, которая была представлена на выборах не только социалистической, но и коммунистической партіей. Несчастный перевѣс политики над экономикой, столь характерный для Франціи, сыграл злую шутку. Блюм пришел к власти, которой не искал, пришел неожиданно для себя самого. Он принял ее, как обреченный, без всякаго энтузіазма. Недавній примѣр Макдональда в сосѣдней странѣ не сулит ничего добраго для социалиста во главѣ буржуазнаго государства. В данном случаѣ трудности Блюма особенно значительны.

Несмотря на весь азарт мнимой борьбы за республику,

Франція дѣйствительно страдает от кризиса и от стоящей за ним агоніи капитализма. Массы не могут не предъявлять своего счета и онѣ уже предъявили его. Неожиданная забастовка является для Блюма грозным предлогом. Соціалисты связаны по рукам своими правыми союзниками. Блюм уже обѣщался шадить капитал и франк. Удовлетворить законныя требованія масс он может лишь из государственнаго бюджета, который стоит, слѣдовательно, перед неизбежным дефицитом. Реакціонеры не без основанія обвиняют во всѣх странах соціалистов в мотовствѣ и подрывѣ государственных финансов. Нѣтъ ничего опаснѣе иллюзіи, что «богатые будут платить» за бѣдных при сохраненіи старой системы. Капиталы всегда найдут возможность утечь за границу, исчезнуть, — наконец, обратиться в груды бумажнаго хлама. Легчайшее прикосновеніе к тонкому и нервному механизму, каким является современное банковско-финансовое хозяйство, вызывает биржевую панику, которая может сорвать все дѣло національной реконструкціи. К паникѣ естественной присоединяется искусственная, создаваемая закулисными главарями биржи. Во Франціи паденіе франка сопровождается всегда появленіем лѣваго кабинета у власти. Блюм еще не принял наслѣдства Сарро, а золото из Французскаго Банка потекло за границу. Возможно, что ему останется бумажный, не обезпеченный золотом франк, поддержать который на высотѣ Пуанкаре не будет никакой возможности. В данной стадіи финансоваго капитализма, повидимому, радикальный и всесторонній охват государством всѣх отраслей хозяйства гораздо безопаснѣе отдѣльных вторженій и посягательств. Но здѣсь то и встанет роковой для Франціи вопрос: желает ли она подлиннаго обновленія? Как будто бы вся ея соціальная структура и вся ея нравственная установка (от которой зависит, в конечном счетѣ, и соціальная структура) противятся перемѣнам. Нація, в которой число мелких рантье превышает число производителей — или в которой душа рантье преобладает над душой рабочаго в каждом отдѣльном гражданинѣ — болѣе всего боится паденія процента, паденія франка. Единственное средство, которое могло бы оздоровить промышленность, влить в нее новую кровь, разоряет миллионы и толкает их в объятія реакціи. Блюм стоит между нетерпѣніем и узко-классовым сознаніем рабочих,

которое его партія воспитывала столько десятилѣтій, и косностью остальной страны. В такой (подобной австрійской) ситуаціи каждая побѣда рабочих означает рост фашизма. Тѣнь де ла Рока ложится на тернистый путь Блюма, который может стать его Голговою. Конечно, если исторія Франціи вступила в новый трагическій фазис, и не обернется старой комедіей парламентских качелей. (Измѣна радикалов, немедленное паденіе Блюма и т. д.).

Мы убѣждены, что проблема Франціи, в послѣдней глубинѣ, есть проблема духа. Удастся ли молодой Франціи, смѣлой и героической, преодолѣть мораль бережливости и идеал обезпеченности, которым живут отцы? От этого зависит будущее Франціи, спасеніе ея великой традиціи, ея первородства в семьѣ западных народов.

От Франціи к Эстоніи переход рѣзкій и, на первый взгляд, неожиданный. Но обращаем вниманіе читателя на политическій опыт этой маленькой страны, который может пригодиться и великим. Эстонія в прошлом году едва не сдѣлалась жертвой фашистскаго переворота. Демократія преодолѣла эту опасность. Эстонія сейчас представляет пріятный и рѣдкій примѣръ страны, гдѣ насильники сидят в тюрьмах, а мирные граждане у власти. Но спасти демократію обычной рутинной парламентской машины оказалось невозможным. При извѣстной остротѣ гражданской войны парламентаризм отказывается функционировать. Как в древнем Римѣ, демократическая диктатура должна спасти республику. В Эстоніи президент и правительство получили чрезвычайныя полномочія, политическія свободы для революціонеров справа и слѣва сильно ограничены. И, что всего интереснѣе, правительство подготавливает измѣненіе всей политической системы на началах корпоративной демократіи. Удастся ли этот опыт или нѣтъ, покажет будущее. Но что он должен быть сдѣлан, и что он может осуществиться, повидимому, лишь в такой обстановкѣ, как в Эстоніи, это для нас не подлежит сомнѣнію.

Есть нѣкоторые признаки, что и в Австріи правительство Шушнига, который не принадлежит к числу излюбленных людей «Новаго Града», готовится к демократизаціи своего полуфашистскаго корпоративнаго государства. Разрыв с чистым фа-

шизом Штаремберга и необходимость искать опоры в рабочих массах может направить политическое развитие Австрии по более здоровому руслу. Впрочем, все, что дѣлается в Австрии так прекарно, так отражает грозное давленіе міровой политики, что едва ли представляет самостоятельную цѣнность.

Европа не мертва. Со страшной медлительностью и скрипом заржавѣвшаго механизма демократіи, она ищет путей к новой жизни.

*
**

Новая жизнь пробивается и в Россіи. Изю дня в день, в теченіе вот уже трех лѣтъ, страна живет под знаком перелома, смысл котораго вполне опредѣлился. Теперь не может быть сомнѣній: это не случайный зигзаг сталинской политики, но общая и послѣдовательная стабилизациа революціи. И не просто стабилизациа, но — иначе и не могло быть — в извѣстной степени, реакціа. Сталин поставил точку на революціи. Перманентное движеніе к коммунизму, цѣной гибели цѣлаго поколѣнія, упало, с переломленным хребтом. Нужно организовать жизнь не на химерическом коммунизмѣ, а на реальном госкапитализмѣ, под постоянной угрозой внѣшней войны и раздѣла Россіи. Необходимость обороны, в условіях не революціоннаго наступленія, а стабилизации, диктует инныя психологическія установки. Провозглашается конец классовой войны, якобы за ея истощанностью, за исчезновеніем классов: в дѣйствительности замѣной старых классов новыми. Воскрешается убиваемое марксизмом національное сознаніе и «нормальныя» основы всякаго быта: семья, порядок, элементарная культурность, право на «веселую» жизнь для побѣдителей. В сущности, это конец марксизма, теорію котораго по частям терзают под именем наслѣдія Троцкаго, Покровскаго и т. д. Правда, это движеніе не дошло до отверженія марксизма или ленинизма как таковых. Старые символы сохраняются, но их интерпретациа требует чрезвычайной казуистической изворотливости. Впрочем, все чаще обычный танец от печки авторитетов замѣняется соображеніями от здраваго смысла. Совѣтскую прессу стало легче читать; она начинает говорить почти на человѣческом языкѣ.

Вмѣстѣ с возрожденіем здраваго смысла, реабилитируется

и мораль. Давно уже мы не слышали кровожадных рѣчей, ассирийской пляски над трупом поверженных врагов. Коммунисты сдѣлались вдруг, по мановенію дирижерской палочки, кротки, как овечки. Заговорили о любви к человѣку, о дружбѣ, о помощи, о солидарности. Мрачный диктатор пытается изображать улыбку. Вожди ласкают дѣтей своими окровавленными руками. Как всегда, перебарщивают и не умѣют избѣжать смѣшного. «Извѣстія» и «Правда», которыя недавно печатались кровью, начинают течь патокой. Признаемся, мы предпочитаем патоку, хотя бы с точки зрѣнія воспитательной. Вѣдь, совѣтскія газеты — единственная пища для сотни миллионов людей. Так уже пусть они — особенно юноши и дѣти — лучше учатся новому гуманизму, чѣм отравляются ненавистью.

Правда, вопрос о совѣтской морали не так то прост. Дѣло в том, что, насколько мы можем видѣть отсюда, диктатура нисколько не смягчает своей свирѣпости в методах управленія. По-прежнему разстрѣливают людей без суда в застѣнках бывш. ГПУ. Мы знаем имена жертв. Какое лицемѣріе нужно, чтобы говорить о человѣчности в такой странѣ! В былые годы палачи были послѣдовательнѣе, честнѣе сами с собой. Но это старый, неразрѣшимый спор, о взаимных преимуществах двух систем: цинизма и лицемѣрія .

Так же трагически двойится в Россіи и вопрос о свободѣ. До самаго послѣдняго времени этого вопроса и не ставилось. Всѣ вопросы обсуждались и проводились в планѣ патріархальной деспотіи. «Хозяин» устраивал и чистил Россію, как устраивал ее Николай I. С недавних пор диктатор заговорил о свободѣ. В порядкѣ ли обсужденія новой конституціи или реформы суда или недочетов административнаго механизма, но в массы брошены новые лозунги. Совѣтскіе граждане свободны — свободны и от органов диктатуры (конечно, мѣстной). Борьба с злоупотребленіями власти есть общій долг. Не партія, а безпартійная масса призвана контролировать правительственный аппарат.

Что все это значит? Открывается ли отдушина для глубокаго недовольства масс, и на съѣденіе им бросается, как столько раз в прошлом, низовой аппарат партіи, чтобы спасти правящую верхушку? Задумывает ли Сталин окончательно отдѣлить свою власть и авторитет от партіи, отдавая на растерзаніе

всю партію как таковую? Но в таком случаѣ какіе новые органы создаст он для проведенія своей воли? Не будут ли такими органами учрежденія новой совѣтской демократіи, идея которой поставлена на очередь реформой конституціи?

Здѣсь открываются чрезвычайно интересныя перспективы. Вѣдь, Сталин не вѣчен. Трудно ждать перерожденія сталинократіи в наслѣдственную монархію. Задуманное им освобожденіе населенія от партіи не приведет ли, на протяженіи ряда лѣтъ, к подлинному освобожденію Россіи?

Будем надѣяться. Пока же с горечью приходится сказать одно. Россія еще не начала бороться за свободу. В Россіи, по-видимому, меньше всего думают о свободѣ, как самостоятельной цѣнности. Конкретныя блага, хозяйственныя и бытовыя достиженія доминируют над общей потребностью в свободѣ. Конечно, мы не знаем, что творится в сознаніи молчащих узников. Но есть признаки. На верху страны, в высшей интеллигенціи — писателей, художников — никогда еще подхалимство и лесть и рабство полувольныя — не достигали таких столпов. И здѣсь, у нас, когда рѣдкій, вырвавшийся на волю бѣглец повѣствует перед нами о страданіях народа и его чаяніях, как рѣдко и как глухо звучат слова о свободѣ! Печатаемая ниже в этом номерѣ «Новаго Града» бесѣда с новым эмигрантом является живым тому доказательством. В Россіи забыли вкус свободы, судят о ней узко утилитарно. Свобода — кому, для чего? Если нам, рабочим и крестьянам — хорошо. А не дай Бог — врагам? Для блага государства — хорошо. А если во вред? Девятнадцать лѣтъ диктатуры не прошли даром.

И не только девятнадцать лѣтъ. Свобода вообще есть очень тонкая, аристократическая вещь, которую демократія Европы получила в наслѣдіе от средневѣковаго рыцарства, от христіанской реформации, от буржуазной хозяйственности. В Россіи, которая не знала ни одной из этих традицій, свобода была привиллегіей на Западѣ взрожденнаго дворянства и от него отпочковавшейся интеллигенціи. С разрывом этой традиціи, с истребленіем этого интеллигентскаго слоя — кому мечтать о свободѣ? Люди, которые активно творят жизнь в Россіи, выросли в атмосферѣ застѣнка. Отцы их жили под розгой, дѣды в крѣпостном рабствѣ. С интеллигенціей их связывает только

великая русская литература. В ней вся наша надежда на воскресение русской свободы и русской совести. Когда рабоче-крестьянская масса действительно, а не формально, вступит в наследие Пушкина, тогда можно будет надеяться на освобождение. Это будет не скоро, но это будет. Ужасна тяжесть России, косность ее пространств и времен — даже в поверхностном вихре революции. Под жерновом времени не одно поколение измельет в порошок. Но будущий путь ясен. С надеждой мы можем смотреть в будущее — хотя бы со скорбной надеждой Моисея на рубеже Земли Обетованной. Над миром стучаются сумерки. Над Россией они начинают разсыпаться.

Чаемая Россiя

В последнее время неустанно и как-то особенно взволнованно думается о России: словно мы накануне свидания с нею. Бывают недѣли, мѣсяцы, впродолжение которых изо дня в день нарастает несправедливое, но и неукротимое раздражение против дѣловитости и плоской разумности будничной европейской жизни, мало чѣм связанной со страшными событиями, зрѣющими за поверхностью текущаго историческаго дня. Ничего то в ней не чувствуется таинственнаго. Во всѣх обликах и на всѣх лицах тупое выражение «евклидовой геометрии». Всякій отрывок фразы на улицѣ — о цѣнах и деньгах. Ни одного недѣшняго человѣческаго взора.

Выѣдешь за город — все то же. В природѣ ни равнодушiя, ни красоты, ни вѣчности. Все в ней очеловѣчено, разграфлено и прозаически приспособлено к нуждам и радостям публики. Только что сошел с чернаго шоссе в лѣс, как запрещенное для автомобилей сѣрое шоссе уже снова выводит тебя на другое, черное же, по которому снова несутся автомобили либо в сосѣднiе города, либо в загородные рестораны.